

МИХАЙЛОВА М.В.
МГУ имени М.В.Ломоносова
ЛЕ ГУИ КАТРИН
Маунт-Холиоук Колледж

НЕРОКОВОЙ ТРЕУГОЛЬНИК

Ключевые слова. *Нина Петровская, Брюсов, Рената, письмо, житнетворчество.*

Как письмо неустановленного лица эти листочки пролежали в архиве В.Я. Брюсова более 100 лет [Петровская 1911]. Но теперь мы имеем возможность установить и имя автора, и время создания, а также обстоятельства его написания. Это французский юноша Робер. Неудачливый и незадачливый поклонник и возлюбленный Нины Петровской на протяжении четырех месяцев ее парижской жизни в конце 1908 – начале 1909 года. Имя француза Робера (Петровская называет его на русский манер Робертом, но мы склоняемся к французскому произношению его имени) возникает в ее переписке с Брюсовым более сорока раз. Это самое подробное описание одного из романов Нины Петровской, которым она делилась со своим возлюбленным, разрыв с которым уже становился вопросом нескольких дней (?), недель (?), лет (?). Робер, безусловно, отличен от тех «каких попало любовников» [Валерий Брюсов, Нина Петровская 2004:692, из письма от осени 1911 г.], с кем случайно время от времени сводила ее жизнь. Не похож он и на тех «мексиканцев и испанцев», которых привлекает только ее броская внешность – «когда я в большой шляпе за столиком кафэ» [там же:385, из письма от /5 января 1909 года.]. О его поведении мы узнавали ранее только из писем Петровской, и вполне обоснованно могли предполагать определенные домысливания в ее рассказах о его увлечении ею, тем более что все сведения «оформлялись» так или иначе с учетом реакции Брюсова. Теперь мы имеем возможность проверить достоверность сообщенных Петровской фактов и ее слов о том, что он «умолял быть его женой» [там же:601 из письма от 28/29 декабря 1910 г.]. Речь идет о письме Робера, полученном

Петровской, по-видимому, после ее отъезда из Парижа в Москву в начале 1909 года, куда она ринулась, несмотря на сопротивление Брюсова, в свое время несколько опрометчиво согласившегося на ее возвращение, хотя, по ее утверждению, он ей твердо сказал: «Твое место там, где живу я, – твое единственное назначение – литература. Приезжай, я клянусь не обижать тебя больше, я буду о тебе заботиться всячески – только сочтись <?> с одним фактом, с *формальностью*, с исторической печальной необходимостью (имеется в виду брак Брюсова с Иоанной Матвеевной. – М.М., К.Ле Г.)» [там же:601 из письма от 28/29 декабря 1910 г.].

Историю с Робером Петровская называет «сам[ым] темн[ым] в собственной душе», тем, «чего не понимаю до сих пор сама» [там же:600 из письма от 28-29 декабря 1910 г.]. Случайное знакомство в Бресте, где она безуспешно ожидала свидания с Брюсовым (он опоздал на семь дней), обернулось четырьмя месяцами связи, в которой была и надежда на успокоение, и понимание невозможности изменить самой себе.

Какой к моменту встречи с Робером была Петровская? Одиночество, уязвимость и полная душевная безысходность – вот итог ее любовных отношений с Брюсовым по истечении четырех лет. «Мой дом вагон и отель, мое пристанище встречные души», – пишет она Брюсову 21-22 октября 1908 года. [там же:324]. И чуть позже, 12-25 ноября 1908 года, уточняет: «Самое желанное для меня сейчас, – путешествия и вагон. В вагоне я успокаиваюсь и даже сплю лучше, чем в самой удобной немецкой постели» [Валерий Брюсов, Нина Петровская 2004:337]. Из этих слов можно понять, почему она столь сильно нуждается в том, что дал ей Робер: «Было так непривычно, так странно сладостно слышать давно уже не слышанные нежные и страстные слова на чужом языке. Они звучали мне настоящей музыкой, усыпляя волю и сознание» [там же:600, из письма от 28/29 декабря 1910 г.]. (Поразительно «несовпадение» слуховых впечатлений ее и Робера друг от друга; она слышит в его словах *усыпляющую музыку*, а из приводимого ниже письма следует, что он слышит благодаря ей *себя*, т.е. она «засыпает», он, напротив, «просыпается») Но в то же время Петровская настолько опустошена эмоционально и физически, что больше чем в

«заместителе» (словечко из письма Робера) Брюсова, нуждается в забвении и покое. И хотя она убеждена, что «он меня *будет* любить, *потому что я не люблю его*, – это закон... В мае он кончает Ecole Polytechnique <так!> и уже с мая сможет стать безраздельно моей “ласковой донной”» [там же:384, из письма от 23 декабря 1908 г/5 января 1909 г.] Но очевидно, что и ласковый почитатель ей был не нужен. По сравнению с Брюсовым все остальное ей казалось мелко и банально. И свои отношения с Робером она зачастую видит «брюсовскими глазами», т.е. литературно, изобразительно: «Целый вечер накануне “нашего” нового года просил (речь идет о случайном знакомом. – М.М., К.Ле Г.) меня о свидании, а Robert рыдал, и слезы его падали в стакан виски. Знакомая картина! Точно видела себя в зеркале» [там же:385, из письма от 23 декабря 1908 г.]. Совершенно очевидно, что нечто подобное некогда происходило между нею и Брюсовым. Или еще: «Видеть сейчас людей, да еще нашего круга, которые знали *нас как одно*, для меня нестерпимо. Лучше Robert, чем Кругликова или Вальдор» [Валерий Брюсов, Нина Петровская 2004:324-325, из письма от 21-22 октября 1908 г.]. Казалось бы, она выбирает Робера – человека не ее круга, но в то же время она не может с ним остаться именно по той причине, что он не принадлежит к кругу интеллектуалов и литераторов, в который ее ввел Брюсов. Поэтому так иронично звучит ее комментарий к действиям юного возлюбленного: «Сегодня пойду с Робертом взять комнату, которую он нашел. Нужно “устраивать жизнь” <...>» [там же:358, из письма от 28 ноября/11 декабря 1908 г.]. Робер готов заботиться о Нине, но она не способна это принять. То, что она заключает слова «устраивать жизнь» в кавычки, выдает ее иронию в отношении подобного... устройства. Ясно, что на такой компромисс она не согласится.

Ей необходима нежность Робера, но ей трудно принимать его всерьез, он для нее только влюбленный мальчик. Его поведение, которое любую другую женщину могло бы восхитить мальчишеской безрассудностью (он исцарапанный, в разорванном пальто, потому что для свидания с нею ему пришлось прыгать из окна спальни на втором этаже в l'Ecole Polytechnique, пришел к ней), кажется ей примитивным: «<...> от всего этого мне стало скучно, скучно до полного упадка сил.

Чтобы как-нибудь ожить, пришлось выпить почти бутылку вина» [там же:324, из письма от 21-22 октября 1908 г.]. Она видит их обоих со стороны как действующих лиц разыгрываемой мизансцены – и горько иронизирует над сложившейся ситуацией: «И вот движущийся автомат – из Кёльнского собора – в объятья молодого французского юнкера» [там же:324, из письма от 21/22 октября 1908 г.]. Казалось бы, готовая возникнуть аналогия (она – остывшая Рената, он – нежный спаситель Рупрехт) разрушается на глазах. Рупрехт не может выглядеть комично («пришел он в виде комика») [там же:324, из письма от 21/22 октября 1908 г.], не может ассоциироваться с юнкером высшего инженерно-военного училища. О том, что Робер не станет Рупрехтом никогда, говорят следующие строки из ее письма от 12 ноября 1908 года: «<...> Robert мне не удобен. Днем он пленник, а романтические ночные вылазки меня лишь утомляют, потому что возможны между 12 ночи и 5 утра» [там же:336, из письма от 12-25 ноября 1908 г.]. Заметим, что Брюсова она была готова принимать в любое время дня и ночи, и это ее не утомляло, хотя и вызывало страдание.

Прощальное письмо Робера проливает свет на суть их взаимоотношений. Оно показывает, что Робер осознает свою незначительную роль в отношениях с Петровской. Только сейчас ему открылось, что он был всего лишь заместителем, заменой, тем, чем пользуются в отсутствие Другого, немногим больше, чем игрушка. Однако несмотря на то, что он вроде бы осознает истинное положение вещей, принять этого он не может. Это видно из его признания. «Вы убили во мне способность любить» – в середине текста, а ближе к концу: «О! Как я хотел бы увидеть вас, поболтать с вами, услышать себя, говоря с вами». Эта фраза, повторимся, особенно знаменательна: она свидетельствует о том, что Робер способен ощущать себя воспринимающим окружающий мир только через любимую; она для него является проводником к восстановлению полноты «органолептических свойств» его существа. А в окончании письма возникает ни на чем не основанная надежда на гармонию: «Если бы вы могли приехать, какую славную жизнь мы еще могли бы устроить».

Однако несмотря на это желание, Робер порой очень жестко характеризует Петровскую («Вы причинили мне такой

вред, какой вред приносит подлая женщина»). Но сразу после этого он рассказывает, насколько трогательно ей предан: он воспроизводит ее ласковые слова в свой адрес, создавая таким образом эффект ее присутствия («<...> ночами я иногда тихо повторяю “мой крысёночек”, как вы говорили когда-то [, по сонма] и чувствую вас рядом», что, кстати, по-французски звучит достаточно двусмысленно – едва ли не как намек на самоудовлетворение). Далее его переживания переходят в более интеллектуальную плоскость: «<...> и когда мне приходит какая-то оригинальная идея по любому поводу, мне хочется ее вам высказать и почувствовать мою душу рядом с вашей душой». Таким образом, он ищет любого повода почувствовать их слияние. Кстати, и опиум, к которому он прибегает в разлуке с нею и к которому пристрастила его она (хотя он и говорит об «ужас[ах] опиума»), является еще одним способом сближения с возлюбленной. А главное – он говорит о душевной близости, к которой всегда стремилась Петровская и которую надеялась обрести с Брюсовым. Поразительным образом ей удалось открыть радость этого состояния еще несмышленому юноше: «<...> вы стали мне жизненно необходимы <...> мне никогда уже не найти такую любовь, какая, я верил, была у нас с вами <...>».

Все фразы Робера звучат, словно произносимые женщиной, брошенной жестоким мужчиной, но по-прежнему тоскующей о былых отношениях и надеющейся на их продолжение. Подобное можно увидеть в письмах Петровской, обращенных к Брюсову. Судя по данному письму, можно сказать, что происходит смена гендерных ролей: Петровская в новой ситуации стала Брюсовым. Это похоже на то, что она делала в своих рассказах сборника «Sanctus amor», где повествователем являлся мужчина, раскрывающий трагические перипетии любовного треугольника, имеющего автобиографическую основу. Идентичность Робера переменчива: мальчик – молодой мужчина – женщина. Мальчиком его считает Петровская. На самом деле он молодой мужчина. А в своих переживаниях предстает женщиной. Здесь задействован литературно-романтический прием: есть образ Петровской, которая играет в отношениях с Робером роль Брюсова; Робер при этом, по сути, является Петровской (что приносит ему невыносимую боль), Брюсов остался

недостижимым для Петровской так же, как Петровская остается недостижимой для Робера. Как она старается мумифицировать свое прошлое с Брюсовым, так Робер пытается воскресить для себя образ Петровской и вернуть прошедшее.

Перед нами живой документ, напрямую свидетельствующий об эмоциях и отчаянии автора. Приведем несколько примеров: эмоциональность передается через нажим пера, зачеркивание слов, сильное давление пера на бумагу при написании ключевых слов. Эмоции отражаются на бумаге: в определении «*сгуелле*» («жестокое» письмо) последняя буква «е» написана с очень сильным давлением. Возможно, потому что «*сгуелле*» относится не только к письму, но в сознании автора и к самой Нине. Обращение «мой крысёночек» вызывает уточнение: «как вы говорили когда-то...». На слове «*autrefois*» («когда-то») у Робера внезапно на середине слова заканчиваются чернила, что может свидетельствовать о том, насколько глубоко он погружен в свои переживания.

Стоит сказать и про французскую грамматику. Моментами Робер стремится к изысканному литературному стилю (дважды по тексту в конструкции «*ne... pas*» он умышленно опускает вторую отрицательную частицу «*pas*»). Но для выражения своей прямоты и степени откровенности он игнорирует изысканность («*Vous ne pensiez pas, Nina*» – «Вы не подумали, Нина, что одного вашего резкого слова о разрыве было бы достаточно, чтобы причинить мне зло»).

Лексика Робера выглядит несколько старомодной. Как студент *École Polytechnique*, он должен был бы хорошо владеть пером. Но пару раз допускает неточности, которые потом исправляет, и это свидетельствует о том, насколько сильно его захватили эмоции.

Бумага, на которой написано письмо, – это большой лист в клетку. Она была выпущена для французских пивоварен (брассери). Для своего личного письма автор разрезал лист на две половины. Текст письма занимает четыре страницы; шапка бланка брассери появляется только на втором листке и становится не горизонтальной, а вертикальной. Из-за крупной клетки письмо имеет вид школьного сочинения, а из-за бланка брассери похоже на работу студента, что могло вызвать

раздражение Петровской, которая всегда несколько стеснялась молодости возлюбленного. Однако Робер, вероятно, был настолько переполнен чувствами, что не подумал об этом.

Каково же общее впечатление от письма? Если читать его вслух, то оно окажется очень музыкальным по звучанию, потому что в нем присутствует много повторений, сосредоточенных главным образом в первом и втором абзацах: первый абзац – «*tant de lettres*», «*tant de reine*» созвучен четвертому – «*Nina que j'aimais tant*»; в первом абзаце встречается «... *lettres... lettre...*»; «*si loin, si loin*»; во втором – «*tout... toutes... toutes... étouffer...*». Но повторения в четвертом, девятом и десятом абзацах слова «*peut-être*» («возможно») усиливают не поэтическое звучание, а выражают сомнение. В то же время это сомнение таит в себе и подспудную надежду на то, что происходящее может быть истолковано не столь негативно (возможно, что возвратилась НЕ к любовнику, возможно, что и НЕ ЗАБЫЛА об их любви). Укажем, что это же наречие дублируется в находящихся рядом девятом и десятом абзацах.

В третьем абзаце встречаются внутренние рифмы: «...*brutal... rupture... torture...*». Соединение звука «... *gu... gu...*» и носовых гласных («*pensiez... suffisant... encore... infligé...*») вызывает эффект резонанса, как будто слышны стоны человека, терзаемого пыткой (тем более, что Робер употребляет слово «пытка» при определении мук, которые он испытывал, выслушивая скорбную повесть Петровской о ее любви к Брюсову). Кроме того, возникает очевидный контраст между обвинительным тоном седьмого абзаца и нежностью и интимностью восьмого. В одиннадцатом абзаце также можно увидеть контрастное столкновение слов, несущее большую смысловую нагрузку: «*Ma vie est éteinte*» – «моя жизнь погасла» – это патетический язык трагедии взрослого человека, а в «*tout heureux*» – «совсем счастливым» – слышится лепет ребенка.

Этот краткий анализ письма Робера свидетельствует, что Нина Петровская, не преувеличивая и не мифологизируя сложившуюся любовную ситуацию, достаточно точно воспроизводила в письмах к Брюсову перипетии своих отношений с Робером. Возможно, она даже несколько преуменьшала накал страсти молодого человека, не до конца веря

в глубину его чувства. Вероятно, во многом поэтому Брюсов оставался не очень высокого мнения об этом спутнике своей бывшей возлюбленной, считая, что он ее недостойн, поскольку не отличается психологической глубиной, а это грозит Петровской погружением в пучину мещанского существования. Но, конечно, подспудно он все же не хотел отпускать ее навсегда...

Судя же по письму Робера, можно заключить, что Петровская, уверовавшая в единственность и неповторимость своей любви к Брюсову, скорее всего, отринула возможность иначе выстроить свою жизнь. Но если бы она это сделала – она не была бы Ренатой, женщиной, воплотившей образец жизнетворческого поведения. Неудача очередного «другого» романа Петровской, последовавшая спустя всего полгода после связи с С.А. Ауслендером, неоспоримо доказывает, что пока еще она была не в состоянии выйти из того «жизнетворческого» капкана, в котором оказалась и по своей, и по брюсовской воле.

Робер занял в эмоциональной жизни Петровской гораздо больше места, чем все другие ее «спутники». Своею нежностью и преданностью он затронул очень важную струну ее души. Поэтому понятна реакция Брюсова на любое упоминание о Робере. Он резко критикует Петровскую за то, что она проводит с ним слишком много времени; настойчиво подчеркивает, что считает Робера недостойным ее, хотя при этом сам уже давно остыл к ней (точный диагноз динамической «кривой» их отношений Петровская дала в письме от 28/29 декабря 1910 года). Но при мысли, что Нина отдаляется от него, что она может изменить свою жизнь, он возвращается к прежней лексике, буквально заманивая бедную женщину в ловушку. Возможно, он сам не осознает последствий своих действий, а лишь хочет сделать ее самостоятельной, дать ей в руки профессию, помочь завоевать место под «литературным солнцем», отвлечь от бесконечных любовных терзаний. То есть намечает для нее тот путь, который оказался спасительным для него самого. Но тогда для нее, полностью поглощенной своею любовью, это было невозможно. Освобождение произошло в берлинский период, но последний уже не предполагал «любовных» романов.

ЛИТЕРАТУРА

1. Валерий Брюсов, Нина Петровская. Переписка: 1904-1913 / Вступ. статьи, подг. текста и комм. Н.А. Богомолова и А.В. Лаврова. М., 2004.
2. Петровская Н.И. Письмо личного характера от неустановленного лица (подпись не разобрана). [1911]. Французский язык. 1 п. 2 л. // НИОР РГБ. Ф.386 (Архив В.Я. Брюсова). Карт.98. Ед.хр.23.

MARIA MIKHAILOVA, CATHERINE LE GOUIS – NONFATAL TRIANGLE

The article is aimed at revealing the drama of the personal life of Nina Petrovskaya, focusing on the period when her longtime relationship with Valery Brusov was coming to an end. The comparison of the facts presented in her letters to the poet with her biography demonstrates not only the particularities of the Symbolist concept of the creation of life, but also Brusov's and Petrovskaya's principles of modeling the identities of themselves and others.